

К ВОПРОСУ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ

*Елеуханова С. В., к.и.н., Джумабеков Д. А., к.и.н., Ныгметова Ж.Е.
КарУ им. Е. А. Букетова
Караганда, Казахстан*

В статье поднимаются вопросы реабилитации детей жертв политических репрессий, которые в Законе «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» имеют статус пострадавших от политических репрессий. Авторы высказывают позицию, что они относятся к категории жертв политических репрессий, неохваченных действующим законодательством. **В ходе работы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий будет** восстановлена историческая справедливость по отношению к пострадавшим. Реабилитационный процесс рассматривается, как политический, правовой, экономический, социальный, нравственный и исторический акт. Тем самым государство демонстрирует стремление добиться реальных гарантий обеспечения в стране законности, прав и свобод своих граждан.

В период 1930-х – середине 1950-х годов карательная политика СССР была направлена как к отдельным лицам, к представителям социальных групп, классов, религий, так и к отдельным народам по принципу коллективной ответственности за национальную принадлежность. В жернова репрессий попадали не только взрослые, но и дети. Законодательством выделяется понятие лица, пострадавшего от политических репрессий. Статьей 2 Закона «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» установлено, что пострадавшими от политических репрессий признаются дети жертв политических репрессий, которые вместе с родителями или заменявших их лицами находились: в местах лишения свободы, в ссылке, высылке или на спецпоселении. Пострадавшими от политических репрессий признаются дети жертв политических репрессий, не достигшие 18-летнего возраста на момент репрессии и в результате её применения, оставшиеся без родительского попечения или одного из них [1]. **С нашей точки зрения,** данные положения существенно ущемляют права граждан, пострадавших в результате массовых политических репрессий. К детям, не были применены непосредственно репрессии, но они, находились в местах заключения, спецпоселения, ссылки, высылки, лишались прав и свобод вместе с осужденными родителями. На наш взгляд, этой категории граждан, необходимо придать статус жертв политических репрессий. Кроме того, чтобы дети жертв политических репрессий могли получить статус пострадавших от политических репрессий, сначала должна быть осуществлена процедура реабилитации их родителей или заменявших их лиц [2. с. 197]. **Весомым аргументом нашей позиции является тот факт, что в достаточном количестве имеется нормативная база карательной политики СССР, которая была направлена против детей,** чьи родители подверглись политическим репрессиям и подпадают под статус жертв политических репрессий. Так, в материалах фонда 205 «Надзорные производства по реабилитации граждан», отложившихся в Карагандинском государственном архиве Карагандинской области, имеются заявления с просьбой о реабилитации от наших земляков, которые в детском возрасте находились вместе с родителями на спецпоселении. Нами обнаружены десятки справок, в которых имеется отказ на реабилитацию в период 1993-199г гг. Приведём пример такого отрицательного ответа на просьбу о реабилитации от гражданки Вебер Марии Александровны. Так, начальник отдела по надзору за соблюдением законов в ИТУ, КНБ и таможни младший советник юстиции А. Н. Гордеев приводит аргументы в отказе на реабилитацию: «Уважаемая Мария Александровна! На Ваше заявление о реабилитации, как лица, подвергшегося репрессиям по социально-политическим мотивам, сообщая, что реабилитации Вы не подлежите, т.к. переселению Вы лично не подвергались. Поскольку родились в 1956 г. на территории Карагандинской

области и на положении спецпоселенца не переводились ввиду не достижения 16-летнего возраста. Тем самым Ваши права нарушены не были» [3, л.49]. Тот же А. Н. Гордиенко подобный отрицательный ответ отправил на запрос гражданина Вербицкого И. Я.: «Ваше заявление, адресованное в прокуратуру Карагандинской области, рассмотрено. Сообщаю, что Вы реабилитации не подлежите т.к. родились / судя по Вашему письму/ после выселения Ваших родителей с прежнего места жительства и ввиду малолетнего возраста на спецучёте не состояли. Тем самым Ваши права нарушены не были» [3, л. 26]. В ходе работы над фондом было выявлено достаточное количество дел, которые опровергают аргументы названного официального лица. Так, в справке о реабилитации, выданной гражданки Ким Э. В., Первым заместителем прокурора области старшего советника юстиции А. Н. Левкина, отмечается: «На основании статьи 1 Указа Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х гг.», Гертман Владимир Владимирович, 1929 года рождения, незаконно высланный по национальным мотивам в административном порядке в 1941 г., в возрасте 12 лет совместно с родителями. Состоял на специальном учёте в органах НКВД-МВД на территории Кокчетавской, Карагандинской областей без права на передвижение с 1945 г. по 1956 г.» [3, л. 119]. Другой пример. Финк Доротея Лукьяновна, 1935 года рождения, незаконно высленная по национальным мотивам в административном порядке в 1941 г. в возрасте 6 лет, совместно с родителями состояла на спецучёте в органах НКВД-МВД на территории Павлодарской и Карагандинской областей без права на передвижение с 1952 г. по 1954 г. [3, л. 96]. Таким образом, аргумент, что дети, находящиеся на спецпоселении вместе с родителями, состояли на спецучёте только с 16 лет, в реальности не выполнялся. Приведённые материалы показывают, что нарушались права таких детей. Они относятся к категории жертв политических репрессий.

Бывший заместитель прокурора Карагандинской области, полковник юстиции В. В. Горецкий в брошюре «Дети Карлага» коротко рассмотрел судьбы, привёл списки 1507 детей, родившихся у репрессированных по политическим мотивам женщин, находившихся в Карагандинском исправительно-трудовом лагере ГУЛАГ НКВД-МВД СССР (Караганда, почтовый ящик 246) [4]. Считаем, что это далеко не полный список детей. Так, только в 5-м отделении Карлага, которое заключённые образно называли «АЛЖИРом»- «Акмолинском лагере жён изменников родины», находилось 400 детей [5, с. 128].

Опубликованные в различных изданиях в 1990 –е годы документы по ГУЛАГУ, в которых фрагментарно имеется информация о детях жертв политических репрессий, представляли несомненный интерес, но не всегда годились для исследовательской работы. Документальные материалы часто публиковались в вольном изложении, с пропусками, без ссылок на источники или, подбор документов и их оценка давались в авторской интерпретации.

Выявить точное число детей, чьи родители подверглись репрессиям сложно. Это связано с необработанностью документов Карагандинского лагеря. Приблизиться к истине возможно на основе изучения учётных карточек заключённых Карагандинского лагеря ОГПУ-НКВД. Следует учитывать, что контингент заключённых находился в постоянном движении: перевод в справке из одного отделения в другое, этапирование в другие лагеря. Кроме того, женщины, имевшие грудных детей, могли быть отправлены в лагерь с ними. Так, в Постановлении СНК СССР «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях от 7 апреля 1930 года указывалось: «Вместе с заключёнными женщинами могут быть принимаемы в лагерь дети только в возрасте до двух лет, которые помещаются с матерями» [6, л. 53].

Постановление ВЦИК и СНК от 1 августа 1933 года «Об утверждении исправительно-трудового кодекса РСФСР» расширило сроки нахождения в ИТЛ женщин вместе с детьми. Так, в документе отмечалось: «Женщины, лишённые свободы, могут иметь при себе детей в возрасте до четырех лет. Для этих детей обязательно организуются

ясли. В местах лишения свободы женщины обязательно размещаются отдельно от мужчин, а несовершеннолетние – отдельно от взрослых [7]. После того, как детям исполнялось четыре года, их отправляли в детские дома. Адрес детского дома матери обычно не сообщался.

В Оперативном Приказе № 00486 от 15 августа 1937 года разработан порядок к приему и распределению, размещению детей осужденных, порядок отправки детей в детские дома, учёт детей осужденных и наблюдение за ними. Так, детей, осуждённых по политическим мотивам в возрасте от трёх полных лет и до пятнадцати лет, размещали в детских домах Народного Комиссариата просвещения других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов [8]. Распределение в детские дома производилось с таким учётом, чтобы в одно и тоже заведение не попадали дети, связанные между собой родством или знакомством.

Тяжёлым было положение женщин и детей в Карагандинском исправительно-трудовом лагере НКВД-МВД. Так, на 1 января 1938 года среди прибывших 2103 жен «изменников Родины» было 655 беременных и кормящих матерей. В 1941 году прибыло 108 беременных женщин. Все они рожали в лагере [9, с. 86]. В 1939 году в Карлаге было 451 ребёнок. За один год умерло 114 детей. На 1 января 1940 года в лагере находилось до 16 лет – 19 детей, до 18 лет – 132, в 1942 году до 16 лет – 38, до 18 – 178 детей. В 1947 году всего несовершеннолетних – 814 детей, а в 1950 году осталось 209 несовершеннолетних детей. [9, с. 86].

Среднемесячный контингент детей за год характеризуется следующим данными: в 1941 году – 1001, в 1942 году – 605, в 1943 году – 733, в 1944 году – 837 детей. В 1940 - 1941 годы в лагере родилось 1048, а за 1950-1962 годы – 1713 детей. В 1945 году в детсадах и яслях содержалось 740 детей. На территории Карлага существовали: детский комбинат в Центральном полеводческом отделении (ЦПО), «мамочкин домик», как называли между собой заключенные и надзирательный состав лагерный роддом. Там же рядом были ясли. В лагере работали: Осакаровский детский дом, Долинский детский дом, Дом младенца санитарно – лечебного отделения, 18 детских садов и детских яслей [9, с. 87]. В документе под названием «Приказание по Главному Управлению исправительно-трудовыми лагерями НКВД СССР № 163 «О недочетах работы детских учреждений Карагандинского лагеря НКВД СССР» отмечено, что содержание детей заключенных в детских учреждениях Карагандинского лагеря находится в совершенно недопустимых условиях. Ряд зданий детских учреждений были недостаточно утеплены, топливо добавлялось с перебоями, что повело к простудным заболеваниям детей. Детский городок не имеет отдельной молочной кухни; прачечная детских яслей примитивна и мала. Детские ясли недостаточно снабжены твердым и мягким инвентарем, игрушками, детской мебелью и вещевым довольствием. В питании детей не хватает витаминсодержащих продуктов. Профилактическая работа и уход за детьми находятся в совершенно неудовлетворительном виде, вследствие чего среди детей повышена заболеваемость и имеется значительное количество детей со слабым физическим развитием [10, л. 11].

В марте 1940 г. в системе ГУЛАГа действовали 90 «домов младенца» (в них было 4 595 детей), матери которых являлись заключенными [11, с. 10]. Если маму отправляли этапом, то ребёнка оставляли в исправительно- трудовом лагере. После освобождения женщины искали своих детей по детским домам страны. Часто из-за безграмотной записи в книгах учёта было сложно узнать, откуда и каким образом ребёнок попал в детский дом. В материалах архивного фонда Департамента образования Карагандинской области имеется официальная справка «Список детей, поступивших в Компанейский детский дом в период 1936 года по 1955 год». Первыми в Компанейский детский дом были направлены дети спецпереселенцев, родители которых умерли в дороге или впервые годы пребывания в Карагандинской области. Переселение происходило бесчеловечно. Тысячи людей проделали многодневный путь в вагонах для скота под охраной ОГПУ. Раскулаченные

люди умирали от сыпного тифа и желудочных заболеваний. Отряды под номерами 5, 6, 7, 8, 11 детского дома формировались из детей спецпереселенцев. В Компанейском детском доме находились дети 1922 – 1930 годов рождения из Самары, Куйбышева, Архангельска, Ленинграда, Москвы. Например, воспитанниками Компанейского детского дома были Кравченко Василий, Белокуров Виктор, Семенцов Иван. Лебжанова Лена. Шифр 4203-4204 означал, что детей направили в детский дом из Карагандинского лагеря. В отрядах под номерами 17,19, 22 были мальчики и девочки «врагов народа». Они поступали в детдом, в основном, в 1934- 1936 годах. Нередко в графах стояли прочерки, дети не знали своих родителей. «Книга учета движения контингента воспитанников Компанейского детского дома за 1948-1953 годы» содержит ценную информацию о своих воспитанниках [12]. В ней выделяются графы: 1. Номер; 2. Год рождения; 3. Место рождения; 4. Национальность; 5. Кто имеется из родителей или близких родственников?; 6. Адрес родителей или близких родственников; 7. Дата приема в детский дом; 8. Откуда поступил (город, село или учреждение); 9. По какому документу ребёнок был принят?; 10. Социальное происхождение. Руководство органов НКВД осуществляло подбор и проверку персонала по принципу политической и классовой благонадёжности. Только политически надёжный состав имел право проводить учебно-воспитательную работу с детьми.

Часть детей старше пятнадцатилетнего возраста, чьи родители относились к категории «враг народа», с позиции тоталитарного государства, причисляли к социально-опасным категориям, способным к совершению антисоветских действий. На них заводили следственное дело и направляли к заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, или водворению в детские дома особого режима Народного комиссариата просвещения республик [8]. Категория таких детей, проявляющая антисоветские и террористические настроения и действия, согласно репрессивного законодательства, предавалась суду на общих основаниях и направлялась в лагерь по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД. Главная вина этих детей заключалась только в том, что они родились в семье «врага народа», «изменника родины». Дети старше пятнадцати лет также направлялись в Карлаг или трудовую колонию НКВД, расположенную в Спасске. В Карлаге, например, отбывали наказание: Муся Полбицына (16 лет) – дочь председателя Куйбышевского облисполкома, Мира Гиндина (15 лет) – дочь московского партработника, Игорь Гибер (16 лет) – сын секретаря одного из московских райкомов ВКП(б), личного друга Анастаса Микояна [13, с. 6]. Дочь бывшего второго секретаря Западно-Сибирского крайкома партии В. Шубрикова Маня умерла в лагере в возрасте 16 лет. Мира Гиндина, дочь бывшего секретаря Московского райкома партии, была арестована в возрасте 14 лет, долгие годы находилась в лагере.

В официальных документах отмечалось, что для детей осуждённых организовывались школы фабрично-заводского ученичества особого типа, задачей которых являлась подготовка из несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства и формирования у них на основе коммунистического воспитания знаний, необходимых для активного участия в социалистическом строительстве. В учреждения для несовершеннолетних лишённых свободы (школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа) направлялись на основании приговоров судов; постановлений комиссии по делам о несовершеннолетних и других уполномоченных на то органов [14]. С середины 1935 года по начало 1940 года через колонии для несовершеннолетних прошли 155 506 подростков в возрасте от 12 до 18 лет, из них 68 927 судившихся и 86 579 не судившихся [11, с. 10].

На основе Постановления СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 года в детские трудовые воспитательные колонии могли помещать подростков в возрасте от 11 до 16 лет. К ним относились следующие категории: беспризорные дети, не имеющие родителей

вовсе или длительное время живущих без родителей; задержанные дети за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления; воспитанники детских домов, систематически нарушающих внутренний распорядок и дезорганизующих нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме. Обращает на себя тот факт, что предусматривалось совместное содержание для несовершеннолетних, совершивших правонарушения, так и для несовершеннолетних, не совершавших их [15].

Таким образом, для выявления детей жертв политических репрессий необходима работа в региональных архивах. Существует потребность пересмотреть их статус пострадавших от политических репрессий на категорию жертв политических репрессий.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года № 2143-ХІІ «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001939
2. Елеуханова С. В. Положение репрессированных в Казахстана // Реабилитация и память: Отношения к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР. – М: «Мемориал», 2016. – С. 193- 235.
3. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 205. Оп. 9. Д. 235.
4. Дети Карлага //Сост. Горецкий В. В.; Центр правовой статистики и информ. при прокуратуре Караганд. обл. – Караганда, 1999 – 59 с.
5. Кукушкина А. Р. Акмолинский лагерь жён «изменников родины: история и судьбы. – Караганда: Изд-во ЦКУ «МГТИ-Лингва», 2008. – 184 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 54. Л. 53.
7. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 1 августа 1933 года «Об утверждении исправительно-трудового кодекса РСФСР» /СУ РСФСР. – 1933. – № 48. – Ст.46-47.
8. Оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00486 от 15 августа 1937 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/document/00486.htm>
9. Шаймуханов Д. А., Шаймуханова С. Д. Карлаг. – Караганда, 1997. – 175 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
11. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект)// Социологические исследования. – 1991. – №6. С. 10 – 27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/2001/zemskov.php>
12. Государственный Архив Карагандинской области (ГАКО) Ф. 3469. Оп. 2а. Ед.хр. № 14.
13. Кузнецова Е. Б. Осуждённые «социально-опасные дети» или Приказ № 00486// Азия Транзит. – Караганда, 1999. – 11-17 нояб.(№45).
14. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 1 августа 1933 года «Об утверждении исправительно-трудового кодекса РСФСР» /СУ РСФСР. – 1933. – № 48. – Ст.33
15. Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью безнадзорностью и хулиганством. Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 года № 659 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_snk_sssr_659/